

«Мне надо по этому»

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ХУДОЖНИК
Андрей КАРАПЕТЯН
ПРОИЛЛЮСТРИРОВАЛ НОВОЕ ИЗДАНИЕ
«БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ» ДАНТЕ

«Божественная комедия» Данте Алигьери принадлежит к величайшим текстам человечества. Но, положа руку на сердце, многие ли из нас смогут процитировать что-нибудь из этого произведения, кроме хрестоматийных строк, засевших в памяти со школы: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь во тьме долины»? Надеемся, что беседа с художником, прошедшим вслед за Данте через все круги ада, сможет пробудить интерес к этому произведению, поможет понять все его многомерные смыслы.

«Я БЫЛ ПОРАЖЕН ЭТИМ ВЕЛИКИМ ТЕКСТОМ ЕЩЕ В ШКОЛЕ»

— Готова к выпуску «Божественная комедия» Данте в новом переводе Владимира Маранцмана. Вы — автор иллюстраций. Как вам новый перевод?

— Я не делал иллюстрации специально к новому переводу. Они у меня уже были готовы. И оказалось, что мои иллюстрации кто-то показал главному редактору издательства, его они заинтересовали. И вот — дело было на похоронах Бориса Натановича Стругацкого — ко мне подошли и предложили встретиться, чтобы поговорить о работе над новым изданием дантовского «Ада».

— А иллюстрации вы делали к какому переводу? Или, может, в оригинале читали?

— К переводу Лозинского, я не знал других. Сегодня «Божественную комедию» можно прочесть в переводах Минаева, Мина, Петрова, Илюшина и вот теперь — Владимира Маранцмана. Я знаю, по отзывам коллег-филологов, владеющих итальянским, что его перевод очень точен, и могу представить, какой это колоссальный труд. Но для меня перевод Михаила Лозинского остается лучшим из всех — самым поэтичным, передающим всю грандиозность дантовского мира, магию и страстную суровость его терцин. Я был поражен этим великим поэтическим текстом еще в школе.

— Но в школе Данте не проходят, как жется...

— Я читал фрагменты «Божественной комедии» в знаменитой Детской энциклопедии советских времен.

— Да, помню, были желтые такие тома, жутко интересные...

— И вот эти дантовские строки в великольном переводе Лозинского застряли с тех пор в моей памяти и не отпускали. Сейчас я, быть может, не смогу наизусть цитировать большие фрагменты текста, забывается, но я до сих пор остаюсь в плену этих строк.

— И что же, будучи школьником, уже пытались перевести эти божественные строки на язык визуальных образов?

— Иллюстрировать «Божественную комедию» я начал в армии, на дежурствах. Тогда еще, разумеется, не было перевода Владимира Маранцмана. Это гораздо позже все соединилось, и я по-

знакомился с профессором Владимиром Георгиевичем Маранцманом, чрезвычайно обаятельным человеком. Он, кстати, наполовину итальянец. И я прочел его перевод. Но Лозинский остается моей первой любовью. И рисунки шли от Лозинского, конечно.

«АД МЫ УСТРАИВАЕМ САМИ КАЖДОЕ СТОЛЕТИЕ — АККУРАТНО, КАК НЕМЕЦ-ЧАСОВЩИК»

— Сколько всего вы сделали иллюстраций?

— К «Аду» — около 80. «Чистилище» я сейчас делаю. Это будет отдельное издание. Рисование заставляет читать без дураков этот невероятно тугой для восприятия текст, заставляет вглядываться уже не в знаковые символы и фантазмагорические образы, а в людей, в души людские, в собственную душу. И создание иллюстраций к страшным видениям поэта заставило не только пропускать через себя этот его мир, но и по-новому, ретроспективно осмыслить собственную историю. Когда я пошел по этому пути, у меня начали выходить еще и комментарии к «Аду». То, как я пытался графически выразить свое видение происходящего, например, в России, ассоциативно — и органично для меня — связывалось с сюжетами «Божественной комедии». Вот тогда вся работа обрела смысл. Никаких метафор! Какие метафоры могут быть у нас с вами, когда ад мы устраиваем каждое столетие, аккуратно, как работает немец-часовщик? Мне надо было пройти по этому аду. Но помня примерный рельеф того, дантовского. Просто потому, что ад может быть один на всех нас. На итальянцев, русских, армян. Пройти, чтобы хоть что-то понять. К каждому кругу я делал несколько листов графических комментариев к тексту поэмы. Их больше даже получилось, но это не вошло в формат издания. Мне лично они кажутся более интересными.

— То есть вы пытались показать эти пороки человеческие, страсти, этих грешников и их муки глазами современного человека?

— Я не знаю, современный ли я. Старался выразить свое видение. Перескочить через простенькие трактовки.

— Попробуйте рассказать на примере одного из пороков, ну, скажем, чревоугодия...

— Понимаете, вот я рисую третий круг ада. Там «Цербер хищный и громадный собачьим лаем лает на народ»... Ну неинтересно рисовать собаку с тремя головами, то есть буквально следовать литературному тексту. Я сначала так к нему подбирался, потом эдак. Цербер — это бес. Что-то с бородой, человеческими лицами, громадное, которое не просто бегаем по этому третьему кругу, оно там царит. И что такое чревоугодие? Ну любит человек поесть. Ну не будут же его так мучить из-за этого! И у меня возник образ алчущих. И рисовал я изможденных людей, тех, которые алчут тебя, алчут тебя ПОГЛОТИТЬ. Не от ума эти поиски мои шли, не от рассуждений. Хотя потом я, конечно, привязал рассуждения. Например, круг, где мучаются гневные. Я нарисовал человека, который долбит стену камнем, человека, который тратит — в бессмысленной ненависти — на это все свои силы.

«ЧЕЛОВЕКА ПРИТЯГИВАЮТ СТРАДАНИЯ»

— Сложно перевести литературный текст на язык визуальных образов?

— Я не профессиональный художник. Я никогда не учился этому. А как переводить? Я всю жизнь читал эту книгу и вожделел этих образов. И все, на мой взгляд, рисовали неправильно. Когда я увидел иллюстрации Гюстава Доре к «Божественной комедии», понял, что это неправильно все. Да, такое заявление можно счесть наглостью с моей стороны — великий французский художник, представитель великой школы графики! Но он нарисовал совсем не то, что видел я. Его гравюры, без сомнения, великолепны. Его карандаш создает мрачную атмосферу ада: подземные пейзажи, где никогда не бывает солнца. Но образы обитателей Ада, на мой взгляд, слишком академичны. Я не увидел там ужаса,

Ан. Лесько В. Флегий

Ад. Песнь 8-я. Флегий.